

Написанная в больнице работа А. И. Лапина была передана мне на отзыв кем-то из администрации Института им. Стеклова (сейчас не помню — кем именно) безо всяких комментариев. Тогда в прессе дежурной темой была «борьба за приоритет советской науки». В своем отзыве я присоединил к чисто научным аргументам и эту в пользу опубликования работы. Ни о каких планах публикации работы как совместной, тем более с псевдонимом «Иванов» для Лапина, я до сих пор не слышал. Пока шла переписка о публикации работы, А. И. Лапин был освобожден, и она была опубликована под его собственной фамилией.

В качестве заключительного штриха вспоминаю, что за время ареста из аспирантуры мехмата исчезло личное дело А. И. Лапина. Один влиятельный член партбюро пришел и забрал его. Поэтому, чтобы защитить диссертацию, А. И. Лапин должен был еще обходить всех, кому сдавал аспирантские экзамены, и восстанавливать свою оценку.

Опубликованные выше материалы мне кажутся очень интересными. На примере одного драматического эпизода в одной человеческой судьбе они дают возможность почувствовать дух того времени, о котором до сих пор так трудно объективно рассуждать. Два разительных обстоятельства бросаются в глаза.

Во-первых, это то, на каком высочайшем уровне принималось решение. Вопрос о публикации работы не защитившегося аспиранта рассматривался тремя членами Политбюро! На таких примерах начинаешь понимать степень централизованности тогдашней государственной машины.

Во-вторых, эта поддержка, оказанная арестованному А. И. Лапину почти всеми академическими инстанциями. Поддержка, конечно, осторожная и, скорее, пассивная, но для его судьбы — решающая. Ведь каждый из тех сотрудников Академии, чьи подписи стоят под публикуемыми документами, мог, несомненно, найти предлог от такой подписи уклониться. Да, достаточно было бы нейтрально-кислого отзыва вроде: «не вижу перспектив практического применения» (а объективно это было верно), чтобы работу похоронить. А на противоположной чаше весов была небезопасная ситуация, которая могла бы быть по тем временам интерпретирована как поддержка разоблаченного антисоветчика. Мне кажется, это показывает, что люди тогда далеко не стали стопроцентно послушными винтиками репрессивной системы, как это иногда сейчас представляется.

И. Г. БАШМАКОВА

КАК ЭТО БЫЛО

Андрея арестовали в октябре 1950 г. в 3 часа ночи. Время я запомнила потому, что в течение полугода я каждую ночь просыпалась в 3 часа. Его увели, а у нас начали обыск. Взяли все бумаги, письма, среди которых было адресованное мне письмо Б. Пастернака. Обещали вернуть, но так ничего и не вернули.

Впоследствии я узнала от Андрея, что он был арестован по доносу студентки. Он обвинялся в критике теории Лысенко. Ему была предъявлена статья 58.10 — антисоветская агитация. Тогда шла вторая волна массовых арестов. Я это почувствовала, когда ходила сначала в приемную МГБ на Кузнецком мосту, а потом в Бутырскую тюрьму, откуда шла пересылка. Везде было очень много народу. И приходилось долго стоять в очередях.

Я следовала золотому правилу «стучать по все двери» и писала заявления всюду — начиная от Прокуратуры и кончая ЦК партии. Я писала, в частности, о том, что Андрей болен психически, и просила отправить его на экспертизу. Дело в том, что он еще студентом лежал в психиатрической больнице и ему поставили диагноз — шизофрения. В конце концов Андрей был направлен на экспертизу в Институт Сербского и послан на принудление в Горький.

Когда он был в Горьком, я в первый раз поехала к нему на свидание, которое мне разрешено было Главным управлением тюрем в Москве. Андрей попросил меня связаться с главным врачом тюремной психбольницы в Горьком. Я нашла номер его телефона по справочнику и позвонила ему. Но, узнав, кто я такая, он бросил трубку, сказав, что будет разговаривать со мной только в присутствии начальника тюрем г. Горького.

На другой день я отправилась к начальнику тюрем и изложила свою просьбу. Он сказал, что главврач, конечно, не согласится со мной говорить, но все-таки позвонил ему и попросил прийти. К его удивлению, врач пришел. Он рассказал о состоянии Андрея и о том, что вскоре будет новая экспертиза. Когда он ушел, начальник тюрем сказал мне:

— Добейтесь в Москве свидания с полковником Волхонским. Он для Вас все сделает.

Хотя я и не поняла, что он может сделать для меня, я решила постараться с ним познакомиться. Кстати, по моим наблюдениям, сотрудники МГБ и МВД резко отличались друг от друга. Первые были очень угрюмы и вели себя нарочито неприятно. Вторые больше напоминали обычных людей.

Приехав в Москву, я сразу же отправилась искать полковника Волхонского. Я пошла в Главное управление тюрем и попросила дежурного вызвать мне полковника Волхонского. Вскоре дверь отворилась и вошли трое вооруженных мужчин в военной форме. Тот, кто был посередине, спросил меня, откуда я знаю полковника Волхонского. Я ответила, что не знаю его, но хочу с ним поговорить. Я услышала о нем, когда была в Горьком. Все трое удалились, и вскоре пришли другие трое вооруженных мужчин в военной форме. Они опять начали расспрашивать, откуда я знаю полковника Волхонского. Я снова повторила свой рассказ. Они также удалились. Несмотря на то что я волновалась, мне было немного смешно. Я почувствовала себя героем русской сказки, в которой духов всегда вызывают трижды. Но вот дверь открылась в третий раз и появились трое новых вооруженных мужчин в военной форме. На сей раз в центре был сам полковник Волхонский, пожилой человек приятной наружности. Мы с ним поговорили, и он сказал, что я буду получать разрешение на свидание в любое время. Тогда я не подозревала, какую большую роль сыграет это знакомство в судьбе Андрея.

Летом 1951 г. я пошла узнать результаты экспертизы и с ужасом услышала, что Андрея должны перевести в тюремную больницу под Казанью. Я была в отчаянии: об этой больнице ходили жуткие слухи. К тому же зимой там не было регулярного транспорта. Я снова встретилась с полковником Волхонским и стала просить пересмотреть решение и не посылать Андрея в эту страшную больницу. Наконец мне сказали, чтобы я пришла за окончательным решением через неделю. Это была самая ужасная неделя в моей жизни. Через семь дней я получила более благоприятный ответ, чем могла надеяться. Андрея переводили в больницу в Ленинград, что было наилучшим из возможных вариантов.

В это лето я поехала на свидание в Ленинград. Уже в Горьком я заметила, что Андрей внутренне собрался и выглядел неплохо. В Ленинграде был сделан еще один важный шаг — он начал заниматься математикой. Он много занимался и на

воле, но круг его интересов был всегда очень широк. Он увлекался философией, историей религии, первобытным мышлением, социальными вопросами. Сейчас же он всецело сосредоточился на математике. Такая целеустремленность позволила ему быстро получить важные результаты.

Во время свидания он сказал мне, что написал математическую работу, причем нужную литературу ему доставляли из Библиотеки Академии наук и Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Он попросил меня купить ему немецко-русский словарь. При свидании присутствовали две женщины: надзиратель и лечащий врач Андрея. Врач — женщина очень сурового вида, однако сделала для него очень много хорошего. Если память мне не изменяет, ее фамилия была Волкова. Взять рукопись работы я не могла. Даже листок с формулами, который Андрей хотел мне передать, надзирательница вырвала из моих рук.

Потом врач говорила со мной наедине. Она расспрашивала меня об Андрее и его болезни. Она сказала, что в Москве и в Ленинграде по-разному ставят диагноз шизофрении. В Москве шизофрению понимают очень широко, в Ленинграде же подобный диагноз ставят только больным, у которых был явный бред.

Из намеков Андрея и его врача я поняла, что от меня ждут показаний, которые позволили бы максимально смягчить диагноз Андрея. В заключение она прямо спросила, был ли бред у Андрея. Я ответила, что нет (что и соответствовало действительности). Волкова очень советовала мне добиться, чтобы работу Андрея отправили на отзыв в Академию наук.

Вернувшись в Москву, я очень испугалась и думала, зачем я дала такие показания, которые могут привести к тому, что Андрея пошлют в лагерь. Я проконсультировалась у одного очень опытного врача-психиатра, участника многих судебных экспертиз. Он советовал:

— Немедленно возвращайтесь в Ленинград и возьмите свои показания обратно!

Затем я обратилась за советом к знаменитому адвокату, другу моего отца Оцепу. Он сказал:

— Ни в коем случае нельзя брать свои слова назад, это не солидно.

Я так и поступила. И начала обдумывать, как сделать, чтобы послать работу на отзыв. Эта задача казалась невыполнимой. Как можно добиться, чтобы рукопись из тюремной психиатрической больницы отправляли на отзыв в Академию наук?! Тогда я пошла к полковнику Волхонскому и изложила ему свою просьбу. Он был в недоумении:

— Как же я могу работу психически больного человека отправлять на рецензию в Академию наук? Ведь мы с вами не математики и не можем судить о том, что там написано.

Тут я воскликнула:

— Как! Ведь я математик. Кандидат физико-математических наук, доцент Московского университета.

Тогда он дрогнул. После этого мне удалось его убедить отправить работу на рецензию.

Через некоторое время я узнала, что рукопись находится на отзыве у И. Р. Шафаревича, его научного руководителя и друга. О дальнейшей судьбе рукописи он написал сам. Хочу только отметить, что в работе Андрея имелись пробелы. Очень немногие решились бы дать на нее положительный отзыв без всяких оговорок. Но И. Р. Шафаревич это сделал.

Летом 1952 г., пройдя экспертизу, подготовленную Волковой, Андрей был освобожден. Работа была опубликована после его освобождения под его фамилией. Вскоре он защитил кандидатскую диссертацию.

От редакции: вместо послесловия

3 января 2001 г. выдающемуся российскому историку науки, действительному члену Международной академии истории науки, доктору физико-математических наук, заслуженному профессору Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Изабелле Григорьевне Башмаковой исполнилось 80 лет. Ее работы по истории математики в Древней Греции, по истории алгебры и теории чисел известны во всем мире и относятся к числу важнейших достижений истории науки XX века. Великолепный педагог, она воспитала целую плеяду учеников, работающих ныне в России, странах СНГ, Балтии, а также в США, Китае, Египте, на Кубе. Созданная ею научная школа — одна из ведущих историко-математических школ второй половины XX века. Ее результаты по истории диофантова анализа (в том числе о творчестве самого Диофанта) можно отнести к классическим достижениям истории науки последней трети века.

В этом году за исследования по истории диофантова анализа И. Г. Башмакова удостоена одной из наиболее престижных международных наград в области истории науки — медали Александра Койре. Эта медаль будет вручаться на XXI Международном конгрессе по истории науки, который состоится в июле 2001 г. в Мехико.

*Редколлегия нашего журнала
поздравляет Изабеллу Григорьевну
со славным юбилеем и высокой наградой
и от всей души желает ей доброго здоровья,
дальнейших творческих успехов!*